

ПОПРЫГУНЬЯ-СТРЕКОЗА

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ
В РАЗГАРЕ ЛЕТА
ПОМЕЩАТЬ РИСУНОК ЭТОТ!

Есть! —
поскольку каждый год,
Затемняя неба просинь,
Вслед за летом входит осень,
А потом зима идёт.

Есть! —
поскольку мы желаем,
Чтоб грядущий дед-Мороз
Не застал иных «хозяев»
В положении стрекоз!

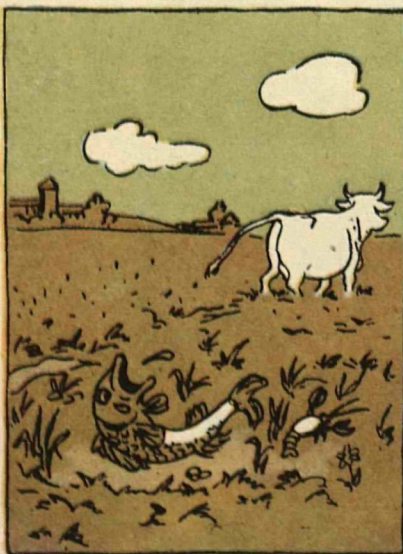
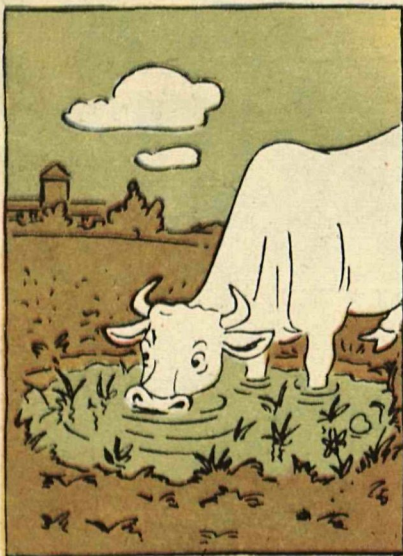
Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ

К Р О К О Д И Л

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

Многие председатели колхозов недооценивают хозяйственного значения водоёмов.

Рисунок М. ГУРЛО.

Был водоём, да... корова выпила в один приём.

ПОЧТИ ПО КАРТИНЕ Ф. РЕШЕТНИКОВА

(Посвящается некоторым слушателям вечернего университета марксизма-ленинизма).

Рисунок С. РОМАНОВА.

Опять двойка.

Исполкомы районных советов не всегда заботятся о расширении предприятий бытового обслуживания населения.

Рисунок Г. ГРАМЫКИ.

— Товарищ председатель райисполкома, вас не беспокоит!
— Бритва!
— Нет, очередь...

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

«Корень ученья горек, зато плоды его сладки!» — утверждает старая поговорка.

Трудно оспаривать это мудрое, проверенное веками изречение.

Трудно, но, оказывается, можно.

Новосибирский педагог Шумилов, преподаватель русского языка и литературы в 46-й школе, изобрёл новое сильнодействующее педагогическое средство, при помощи коего горькие корни ученья можно превратить в сладкий рахат-лукум.

Это средство педагог-новатор прозвал грамминуткой.

Возьмите сборник «В помощь учителю», изданный в Новосибирске, и прочтите статью Шумилова «Внеклассная работа по русскому языку в 5—7-х классах», и вам всё сразу станет ясно.

Внеклассные занятия, по Шумилову, не беспредметные пятнашки и не лишённая целевой установки чехарда, а игры осмысленные, тематические, глубоко продуманные. Цель их — помочь ребятам одолеть бездны премудрости и, шутя и играя, усвоить грамматику, синтаксис, сложности суффиксов и флексий, анонимов и антонимов. Надо отдать должное игривому товарищу Шумилову: изобретательность его по части внеклассных грамматически-синтаксических игр поистине «велика и обильна». Любой массовик из дома отдыха, развлекающий в поте лица свою паству, может позавидовать новосибирскому педагогу.

В ассортименте Шумилова значатся: тематические альбомы, грамматические загадки, ребусы и кроссворды, орфографическая эстафета, грамматическое домино, морфологическое лото, синтаксическое лото, грамминутки-цепочки, и прочее, и прочее.

Вот, например, грамминутка-цепочка № 4. Она рассчитана, как сообщает Шумилов, на «проверку словарного запаса учащихся». Один ученик называет слово, а следующее слово должен назвать уже другой ученик, и это второе слово должно начинаться с конечной буквы первого.

«Например, по теме существительное,— разъясняет в своей статье Шумилов,— один ученик называет существительное: соломинка, другой — амбарчик».

Превращение простого хорошего русского слова «амбар» в неудоваримый «амбарчик» не вызывает у преподавателя русского языка и литературы 46-й новосибирской школы ни протеста, ни удивления. Это понятно: он весь с головой ушёл в своё грамматически-синтаксическое игровое хозяйство.

Хозяйство у него большое. Тут и пособия, тут и игрушки; таблицы, плакаты, картонные фишки для морфологического лото, костяшки для грамматического домино,— за всем нужен глаз да глаз!

Взять хотя бы барабанчики «на правописание приставок».

Такой барабанчик — штука тонкая, хрупкая. Сделан он «из выстроганных дощечек толщиной в 1 см, а боковые стенки — из картона... Для вращения барабанчиков прикрепляются рукоятки из проволоки. Вращением правого барабанчика в просвет ставится слово, к которому ученик подставляет, поворачивая левый барабанчик, употребляемую приставку».

И весь этот агрегат создан лишь для того, чтобы ребята, «вращая барабанчики», составили слова: рас-катился, при-умолк, пере-тащил!

Покрутив барабанчик, ученики 5—7-х классов под руководством педагога Шумилова принимают участие в грамматических загадках.

«Нередко кратко я пишу, в роль сказуемых гождусь, на конце не пишут Ъ (ерь). Назови меня теперь».

Ученики хором отвечают:

— Краткое прилагательное с основой на шипящую.

«Мне ты должен подчиниться, Ся и Те — мои частицы?»

И снова ребята хором голосят:

— Повелительное наклонение глагола!

Для того, чтобы «не измучилось дитя», товарищ Шумилов предлагает педагогам после столь глубокомысленных загадок задавать ребятам вопросы-шутки.

— Когда узор превратится в розу? Когда моток ниток сделается котом и пойдёт ловить мышей?

— Какой предмет всю жизнь носит сто букв Л? (Стол).

Поиграв в задачки на сообразительность, наш новатор берётся за грамматическое домино или за морфологическое лото.

Понимая, повидимому, что вместо «козла» «забивать» суффикс не очень-то интересно, Шумилов абсолютно серьёзно, с педагогически значительной миной на лице, пишет в своей статье: «Чтобы создать заинтересованность, общее кольцо данной партии домино на суффиксы существительных разрывается возможностью замыкания ещё двух кругов: к корню **ключ** можно поставить суффиксы ИК и ИЦ-а...»

Шумилов развил в Новосибирске бешеную энергию, он сумел вовлечь в свои грамминутки и массовые педагогические игры пионеров и комсомольцев школы и для вящей убедительности приводит в своей статье «проценты» роста успеваемости в 5—7-х классах в результате «сочетания урока, как основной формы учебно-воспитательного процесса, с такой разносторонней внеклассной работой».

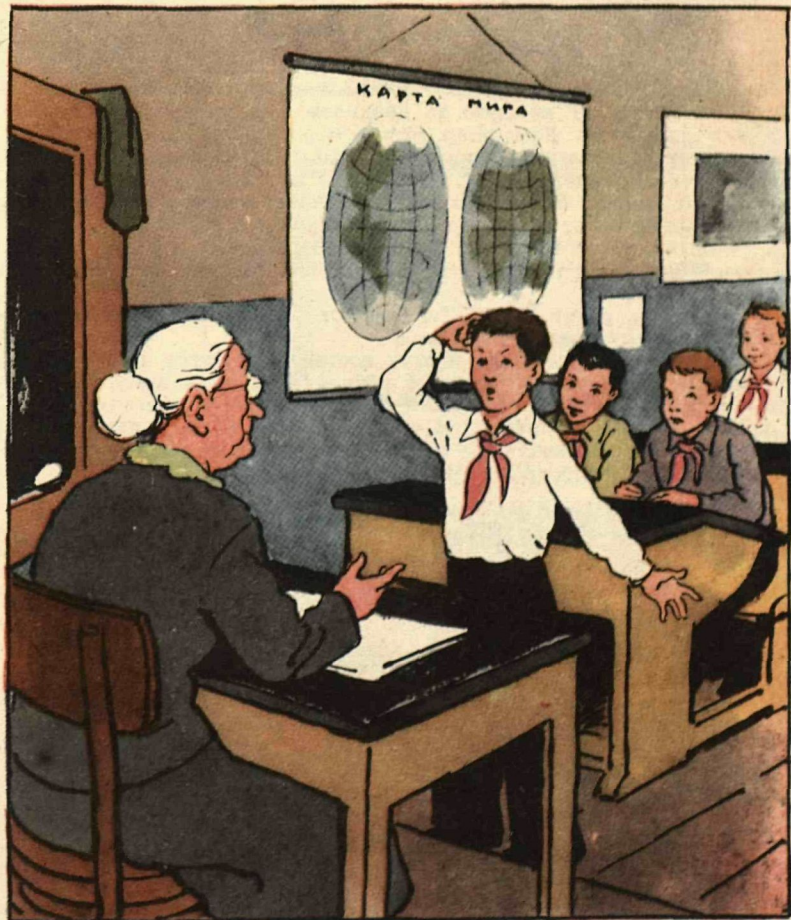
Ох, не верится что-то в эти проценты роста! Подслащённый Шумиловым корень ученья не может не дать горький плод. Да и сладок ли вообще этот корень шумиловского ученья?

«Делу — время, потехе — час!» — утверждает старая и мудрая поговорка. И дело есть дело, а потеха — потеха. После шумиловской же потехи не то что ребёнок, а и взрослый, видавший виды мужчина, от всех этих «мотков — котов», «частиц» «СЯ и ТЕ», которым нужно подчиниться, от «барабанчиков» и «амбарчиков» разум потеряет. Ну-ка, поиграйте-ка хотя бы час в домино на забивание суффикса!

Леонид ЛЕНЧ

Взрослые безответственно относятся к выпуску учебников...

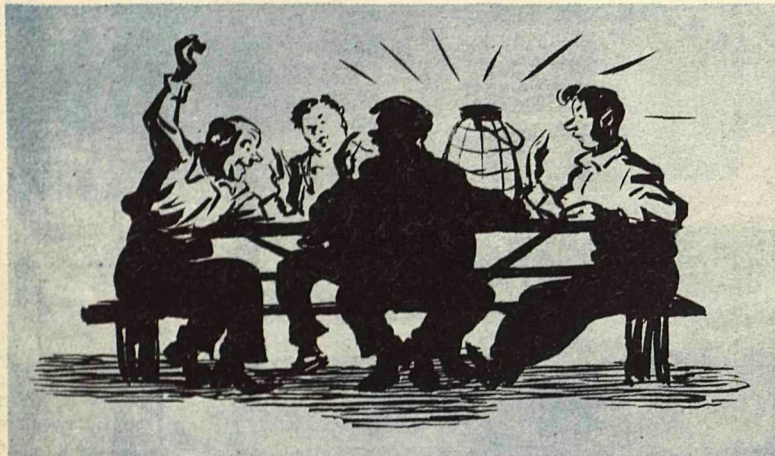

...а отвечать придётся детям.

СЕЗОННАЯ БОЛЕЗНЬ

Я страдаю мучительной бессонницей. Она начинается у меня каждый год с наступлением тёплых летних дней, когда в комнате становится душно и я оставляю окно открытым на всю ночь.

Моё окно выходит во двор. Это обыкновенный московский двор, даже несколько повышенного типа. На его асфальтовой площадке имеется круглый зелёный островок, где растут анютины глазки, три молодых тополя и торчит старый, вкопанный в землю садовый столик с двумя лавочками. Днём здесь хозяйничает детвора, а по вечерам, примерно от десяти до двенадцати, дышат воздухом и обмениваются свежей межквартирной информацией чистенькие, востроглазые старушки.

Я обычно ложусь как раз в то время, когда они кончают своё заседание. Ложусь и мгновенно засыпаю. Но увь! Это только видимость нормального сна. Должно быть, мой слух болезненно обострён, так как уже через несколько минут он начинает реагировать на внешние раздражители, звучащие чуть громче pistolетных выстрелов. Я вздрагиваю и открываю глаза. Ну, конечно, это вышли во двор «забойщики». Они сидят за столиком, на котором горит фонарь «летучая мышь», и азартно играют в домино — «забивают козла», как говорят специалисты.

Вам никогда не приходило в голову, что любители домино, — во всяком случае, явное большинство из них — обладают особым, повышенным темпераментом? Квалифицированный «забойщик» считает просто неприличным тихо и спокойно выложить игральную кость. Он обязательно должен треснуть ею изо всей силы по столу. Если при этом ещё удаётся нанести какое-нибудь повреждение столовой доске, — тем лучше. В гостиной одного санатория мне довелось видеть старинный ореховый столик с чудесной мозаикой, от которой за двадцать минут остались только рожки да ножки. Дежурная сестра недоглядела, и «забойщики» по-своему разделили под орех редкостное произведение художников-краснодеревцев.

И вот я лежу и слушаю, как за окном грохочут в ночи кости домино и раздаются пронзительные крики:

— А шестёрку-дубль не хочешь? (Бац!!!)

— Чихали мы на ваши дубли! Не бей, говорят, дублём, а бей рублём! (Трах!!!)

— Пашка, разуй глаза! Ты под кого же ходишь? Ты не мне, ты им наруку ходишь, верблюд!

Внезапно в шум спора и стук костей врываются новые звуки, похожие на львиный рык. Это вышел во двор и рванул во всю ширь мехи баяна начинающий гармонист. Он уже десятую ночь подряд разыскивает прямую дорогу к «Дунайским волнам», но каждый раз застревает где-то на полпути между «Сопками Маньчжурии» и беззаботным «Чижиком».

— Послушайте, вы, музыкант! — раздаётся откуда-то сверху плачущий женский голос. — Совесть у вас есть?

Баян, словно поперхнувшись, на мгновение замолкает.

— О-го-го! — откликается звучным, красивым баритоном неунывающий гармонист. — Совесть у нас, мамаша, сколько угодно, вот только музыкального слуха малость не хватает. Ничего, сейчас мы его разовьём!

Я ворочаюсь с боку на бок, поминаю всеми чёрными словами проклятую бессонницу, и меня начинают одолевать странные, преступные желания: а что, если подойти к окну и выплеснуть на полуночников кастрюлю холодного куриного супа? Или подождать, когда они уйдут, спуститься во двор и вырвать с корнем садовый столик, а потом обе лавочки... Нет, лучше сделать так...

Но в ту же минуту весь дом от крыши до фундамента сотрясают какие-то глухие утробные взрывы. Ну, всё кончено! Жилец из шестой квартиры включил свой мощный радиоприёмник, стоящий у него прямо на подоконнике, и отправился в обычное ночное путешествие по эфиру.

Я сползаю с кровати и бреду к умывальнику, чтобы освежить пылающую голову. В коридоре я сталкиваюсь с соседом по квартире. Он тоже страдает бессонницей. Кстати сказать, окно его комнаты выходит на другую сторону, в переулок, где в доме напротив помещается большой продуктовый магазин. Мой сосед склонен относить своё болезненное состояние целиком за счёт грузовика, который трижды в ночь подвозит к магазину продукты.

— Не знаю, — устало говорит он. — Я в автомобилях не очень хорошо разбираюсь. Может, у этого окаянного грузовика глушитель испорчен или у шофёра такой дявольский характер, но только я каждый раз просыпаюсь в холодном поту, когда он находитесь ещё за четыре квартала от нашего дома.

Слушая эту печальную исповедь, я невольно вспоминаю, как однажды на автостраде Сочи — Мацеста бравый милиционер штрафовал при мне провинившегося шофёра. «Товарищ начальник, за что?» — ныл водитель. «Плати, — непреклонно отвечал милиционер, перелистывая квитанционную книжку. — В другой раз не будешь стучать мотором, когда в санаториях послеобеденный час отдыха!»

— Да, вот это порядок! — вздыхает мой сосед, и мы угрюмо расходимся по своим комнатам.

...На дворе уже совсем светло. Радио замолкло, гармонист и «забойщики» тоже угомонились. Кажется, благодетельный сон сейчас... как это говорится, осенит, овеет... Нет, слишком поздно! За окном слышится тяжёлый топот, и по всему двору разносится

звичный голос дяди Егора, первого блюстителя чистоты в нашем домоуправлении:

— Стеша-а-а! Куда мою новую метлу девала?

Это наступил час дворников. Они аукаются, как в лесной чаще, и с ожесточением гремят железными совками.

И тут я проявляю невыдержанность, которую можно оправдать только моим болезненным состоянием. Я высовываюсь в окно и кричу:

— Товарищи, да что же это такое! Совесть у вас есть?

— Не мешайте работать, жилец! — строго отвечает дядя Егор. — Коли у вас, жилец, нервы не в порядке, идите в поликлинику.

...Я послушался доброго совета и в тот же день пошёл к знакомому невропатологу.

— Ничего особенного, — сказал он, внимательно меня осмотрев. — Сезонная болезнь. Сейчас многие страдают бессонницей.

— Что же вы мне посоветуете, доктор?

— Знаете, голубчик, — сказал он, — я на это дело смотрю так: ежели болезнь неизлечимая, то медицина бессильна, а ежели излечимая, то сама пройдёт. Я полагаю, что ваша болезнь сама пройдёт осенью, когда вы начнёте спать с закрытым окном.

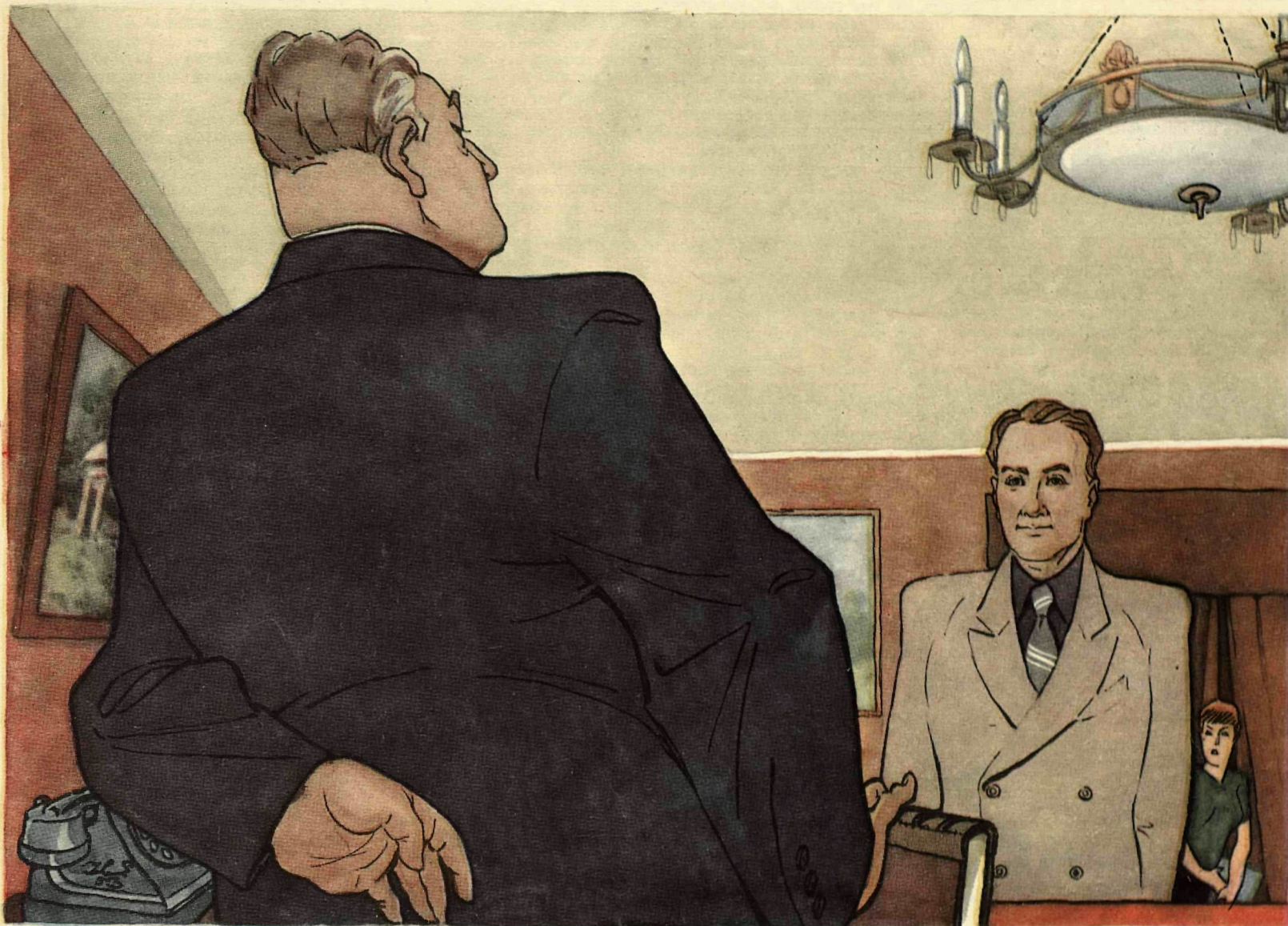
Он просто убил меня точностью своего прогноза. Да, именно так и бывает со мной каждый год! Но что же делать пока, до осени?!

— В этом случае медицина бессильна, — развёл руками мой добрый врач. — Тут вам могут помочь только административные органы, в общем порядке.

Моя бессонница продолжается. Я уже стал заговариваться и путать дни недели. Мой сосед — тоже. А до осени ещё так далеко!..

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Некоторые руководители подменяют воспитательную работу с подчинёнными грубым окриком, администрированием.

— Предупреждение вы получили, выговор получили... Какой же вам ещё помощи надо!

В. БАХНОВ и Я. КОСТЮКОВСКИЙ

Приблизительно

Наталью Петрову не спутали б вы
Ни с кем из студенток решительно:
Всё знает Наталья,
Но знает, увы,
Весьма и весьма приблизительно.
Зато у Натальи Петровой давно
К зазнайству имеются склонности,
От скромности ей умереть не дано,
И не заболеть ей
От скромности.
И в том-то её основная беда,
Что, как это всё ни печально,
Апломб у Натальи и знанья
Всегда
Обратно пропорциональны.

Мы как-то спросили шутя у Натальи:
— «Онегина» вы, извините, читали?

— А как же! — сказала Наталия.—
Там кто-то сначала кого-то любил,
И кто-то кого-то за что-то убил,
Куда-то сбежал
И так далее.
Тогда мы спросили опять у Натальи:
— «Отелло» вы тоже, конечно, читали?

— Ещё был Сюжет изумительный:
Там кто-то сначала кого-то любил
И тоже, представьте, за что-то убил,
Ну в общем вот так приблизительно.

Затем Архимеда
Коснулась беседа,
И вспомнили мы
Про закон Архимеда.

— Я помню! — сказала Наталия.—
Что тело, которое вглубь погружают,
Как будто бы, кажется, что-то теряет,
А что,—
Позабыла детали я...

С грамматикой тоже разлад у неё,
Поэтому не удивительно,
Что даже любимое слово своё
Так пишет она:
«ПрЕблЕзитИльно».

Покамест Наталия не дует и в ус,
Но время придёт,
Кончит девушка вуз,
Потом после вуза пойдёт на работу
И там без шпаргалки спасительной
Любую работу
Завалит в два счёта,
Всё зная весьма приблизительно!

Как ни странно, но...

...заслуженный артист Армянской ССР Авак Петросян охотно входит в роли и не присущие ему, как лирическому тенору.

Выступая на сцене ереванской оперы в спектакле «Ануш», он решил рационально использовать антракт: выступить ещё и в зале филармонии. При этом мобильный служитель искусств опоздал на выход в одной из сцен оперы.

Как видим, наш тенор блестяще справился с партией баритона, весёлого Фигаро: «Фигаро здесь, Фигаро там...»

Вот только зрителям было совсем не весело ни здесь, ни там.

ВИЛЫ В БОК

«ЛЮБИТ ХОРОШО ПОКУШАТЬ...»

Жоженные тропы, проторённые дороги не по душе начальнику Центральной базы Латлестехснаб тов. Калве. Он пошёл своим путём и в таком сложном деле, как изучение кадров. О том, что это за путь, можно судить по характеристикам, выданным тов. Калве работникам базы.

Из характеристики на сторожа Н. Т. Яковскиса:

«Работает на базе с апреля месяца 1950 года. Хитрый и умный, раньше чем ответить на вопрос — передумает ответ. Много путешествовал, всё размышляет».

Из характеристики на сторожа Т. Я. Ламберта:

«Работает на базе с 1944 года. Находится под влиянием жены. Алкогольных напитков не употребляет. Были случаи, когда прежде чем ответить на вопрос, сперва поговорит со своей женой».

Из характеристики на сторожа Э. Ю. Ламберт:

«Работает на базе с 1944 года. Любит хорошо покушать и хорошо одеваться. Часто её посещают «родственники».

Имеет большое влияние на своего мужа, который старше её годами. Любит заниматься сплетнями».

Очень печально, что тов. Калве, осуждая сплетни, сам занимается ими в своих удивительных характеристиках.

СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Неразрешимую головоломку задал товарищу Артемьеву, народному судье 2-го участка Волжского района, Марийской АССР, обыкновенный поросёнок. Из-за этого парнокопытного поспорили две хозяйки. Одна говорит: «Мой!» Другая: «Нет, мой!»

Долго ли, коротко ли думал судья, как рассудить тяжущихся, нам неизвестно, но в результате его размышлений появилось такое неожиданное решение:

«Обязать стороны произвести эксперимент на предмет опознания поросёнка путём выпуска со двора Малининой и вести его по деревне Часовенной и следить за поросёнком, взойдёт ли он во двор Громовой, а оттуда провести в село Помары и посмотреть, к кому зайдёт поросёнок. Эти действия сделать в присутствии понятых, депутата сельсовета и составить акт на производство эксперимента».

Так и поступили. Однако поросёнок не оправдал возложенных на него надежд. Он резво пробежал по деревне Часовенной, тыкался рылом во все лужи, но во двор к Громовой даже не заглянул. То же самое произошло и в селе Помары. Всё здесь привлекало поросёнка, кроме хозяйства Малининой.

Беспримерный юридический случай озадачил судебных работников. Делу о поросёнке не видно конца. Оно растёт и пухнет значительно быстрее, чем сам его виновник.

А не попробовать ли судьям произвести ещё один эксперимент: бросить эксперименты и приступить наконец к нормальному ведению дела?

С ФИЗКУЛЬТ-ПРИВЕТОМ!

Молодёжь города Ломоносова, Ленинградской области, охвачена физкультурной пропагандой, что называется, на все сто процентов.

В хороших кружках басы во всю мощь хорошо развитых лёгких поют:

Ты не бойся ни жары
И ни холода!

По утрам из репродукторов вырывается бодрый, задорный марш, призывающий к физкультурной зарядке. Молодые спортсмены при встрече приветствуют друг друга: — Физкульт-привет! Физкультура!

Короче говоря, разнообразных видов спортпропаганды в Ломоносове хватает. Одного не хватает: спортивного зала. По правде говоря, спортзал в городе имеется, но он используется для каких угодно целей, кроме... спортивных. Так, например, весьма положительно отзываются о спортивном зале мыши, поскольку здесь долгое время хранили зерно.

После выселения мышей физкультурники воспрянули свойственным им здоровым духом, но радость их была кратковременной: спортивный зал физкультурникам не возвратили, его заняли под жильё.

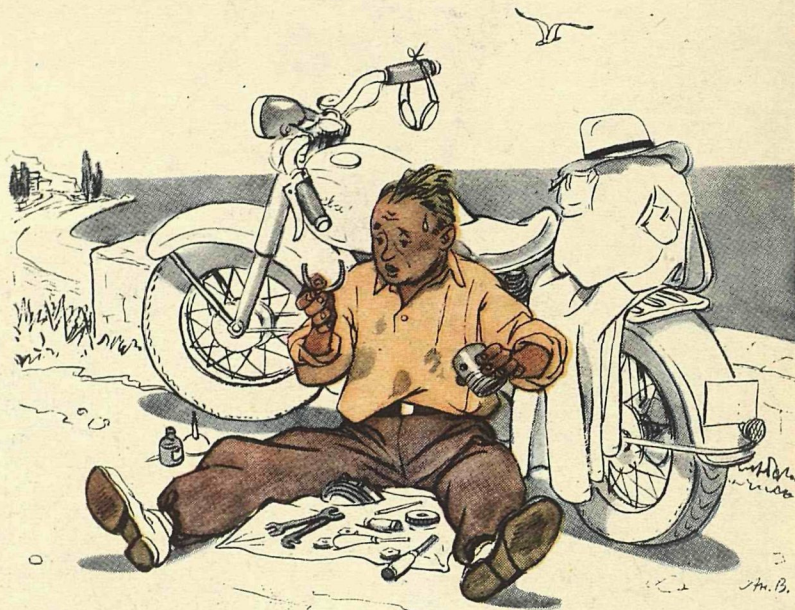
Спортсмены стали побивать рекорды в области писанности. Писали в областной комитет ВЛКСМ, в редакции газет, журналов и в другие учреждения, вплоть до ВЦСПС.

Горсовет принял решение о передаче спортзала групповому комитету ломоносовских предприятий. Однако это решение осталось на бумаге, и спортсмены до сих пор встречают друг друга приветствием:

— Физкульт-ура! Получить спортзал пора!

В спортивных магазинах редко бывают детали к мотоциклам.

Рисунок А. ВОЛКОВА.

— Природа прекрасная, погода чудесная! Для хорошего отдыха не хватает только одной маленькой детали.

Борис ТИМОФЕЕВ

Ироническая СМЯСЬ

ДЕЛА ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ...

Нашёл он, сил не тратя зря,
Объект для заработка прочного,
Переводя без словаря
На русский с языка... подстрочного.

АВТОКОПИРОВЩИК

Он написал большое полотно
И сразу стал известен...

Но

С тех пор уже не первый год
Он с той картины копии даёт.

Хоть «повторенье — мать ученья»,
Тут скажем с полной прямоотой:
Случается, что повторенье
Рождает творческий застой...

ЛАКИРОВАННЫЕ СЮРПРИЗЫ

Мы получили грустное письмо, которое начиналось такими словами: «Дорогие товарищи, это пишет вам об одном неприятном событии в своей жизни мать семейства, домашняя хозяйка Валентина Ивановна Тюхина...»

И, читая её письмо, мы отчётливо, во всех подробностях, представили себе, как это всё произошло.

...Пока Валентина Ивановна вместе с четырёхлетним сыном была в доме отдыха, муж решил приготовить для неё сюрприз. И вот уже осталась позади радостная встреча на вокзале, чемоданы внесены в переднюю, и раздалось первое изумлённое «ах».

— Ах, какая гадость! — воскликнула Валентина Ивановна. — Где ты купил эту ужасную зеркальную вешалку? Нет, ты только посмотри хорошенько: и дерево совершенно невозможное, и лакировка, и ещё дырки какие-то...

— Это, Валюша, от сучков дырки, — с виноватым видом сказал муж. — Тут были, понимаешь, сучки, но их расстрясло при перевозке. Кто же знал, что эта таллинская мебель такая хрупкая?

В самом деле, не стоило себе портить настроение из-за одной вешалки. Валентина Ивановна с примирённой улыбкой открыла дверь в столовую — и... улыбка её мгновенно погасла. Там стоял ещё один сюрприз — четвероногое изделие тех же таллинских мастеров. Если бы дерево могло переболеть чёрной оспой, оно выглядело бы точно так, как лакированная поверхность этого стола-урода.

Пока Валентина Ивановна с немим укором смотрела на мужа, раздался детский рёв. Родители бросились в спальню. Их юный наследник стоял рядом с новым лакированным шкафом, сосал себе ладонь и обливался горячими слезами.

— Я хотел только погладить его! — хныкал он, стуча ногой в боковую стенку шкафа.

— Ах, я совершенно упустил это из виду! — горестно воскликнул глава семьи. — Ведь я тоже занозил себе руку, когда его перевозили!

Наскоро умывшись после дороги, Валентина Ивановна пошла в мебельный магазин — жаловаться.

— Мы вам всецело сочувствуем, гражданка, — сказал вежливый, симпатичный продавец. — Я вам даже больше скажу...

И он произнёс горячую обличительную речь по адресу таллинской фабрики. Куда это годится, если вместо добротной полированной мебели она подсовывает товаропроводящей сети лакированный брак! И это ли не безобразие, что за последние полгода она задолжала покупателям многие тысячи шкафов, столов и диванов!

В конце своего письма Валентина Ивановна Тюхина задавала вполне законные, видимо, назревшие вопросы: «Что же у них творится на этой фабрике?», «И верно ли говорил товарищ продавец, что таких пострадавших, как мы, очень много?»

Да, уважаемая Валентина Ивановна, продавец говорил чистую правду. Слышите, как гудят телеграфные провода? Это мчатся в Таллин из разных городов скучные, однообразные депешки:

«Вашей продукции обнаружено много брака тчк дверцы шкафов навешены небрежно зпт коробятся есть перекосы щели зпт не облицованы выдвижные полки тчк Мосмебельторг»;

«Покупатели возмущаются тчк дверцы шкафов кривые косые стенок ящиков выпадают сучки тчк Ленмебельторг».

И ещё из Минска, из Куйбышева и других мест вопиют о раздвижных столах, которые не раздвигаются, о заказах, которые не выполняются, и о прочих неприятностях такого же свойства.

И вот уже несут пачку свежих телеграмм на Таллинскую фанерно-мебельную

фабрику. Несут и выкладывают на стол главному инженеру Кубареву:

— Константин Петрович, тут опять жалобы пришли насчёт брака и плана.

— Ах, не морочьте мне голову всякими бракопланами! У меня сейчас забота поважнее.

Это значит — снова приехало начальство.

А что значит «снова», можно объяснить очень коротко: только за шесть месяцев нынешнего года фабрику посетило одиннадцать руководящих работников главка, включая самого начальника тов. Гаврилова.

Нет, нельзя сказать, что они проводят здесь время впустую. Почти каждый из этих высоких гостей вписал какое-нибудь памятное изречение в скрижали мебельного производства.

Так, начальник технического отдела главка тов. Кисин, благосклонно выслушав жалобу бракоделов на несговорчивый техконтроль, строго заметил:

— Шкафы можно принимать и с дырками от сучков. Главное, чтоб не было дырки в выполнении плана. (А она, между прочим, есть, и притом громадная, и уже пятый год её никак не могут заткнуть. Даже брак не выручает!)

Сражения бракоделов с техническим контролем на фабрике продолжают. Бракоделы теснят контролёров. Но однажды последним удалось занять круговую оборону и удержаться на своих позициях. Тогда за один лишь месяц было забраковано 36 процентов всех лакированных шкафов и 13 процентов изготовленных стульев.

Прямо сказать, это был счастливый месяц для покупателей. От скольких тысяч заноз убереглись их доверчиво протянутые руки!

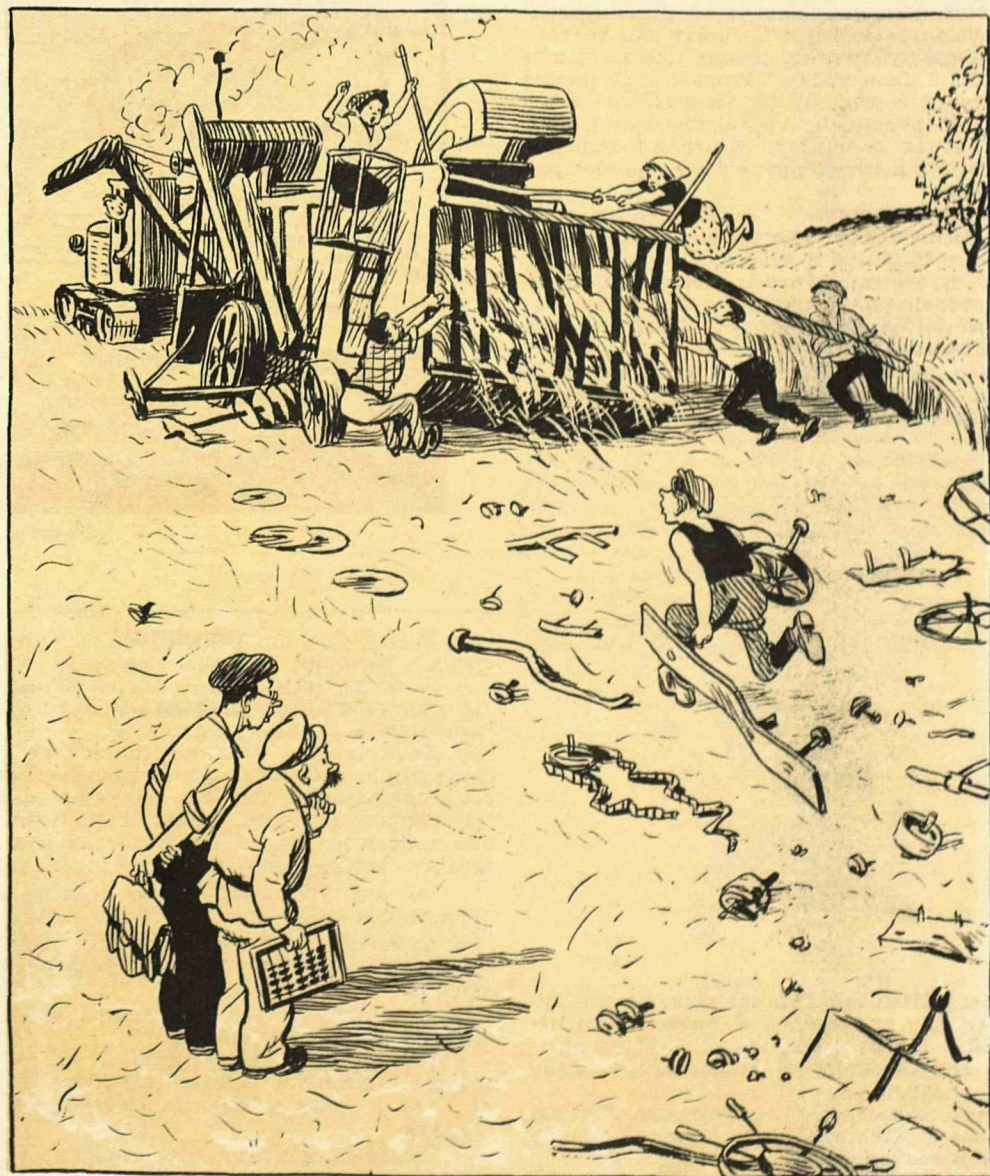
...Недавно начальник Главмебельпрома тов. Гаврилов издал замечательный, глубоко продуманный приказ. В приказе отмечалось, что директор Таллинской фабрики Я. Я. Мендик за прошлый год не обеспечил руководства; что в первом квартале текущего года он, Мендик, довёл работу фабрики до полного развала и миллионных убытков. Итог: главному бухгалтеру фабрики и начальнику планового отдела — выговоры, а насчёт Мендика — больше ни слова.

...Покупатели лакированного брака по-прежнему разделяют печальную участь семейства Тюхиных. Впрочем, с этого момента они перестают быть покупателями и становятся «потерпевшими»...

Б. ОЛЬГИН

г. Таллин.

Рисунок Е. ЦЕГЛОВА.

— Никак не пойму: то ли сев, то ли уборка.

ЗАВКОМ НА ОТДЫХЕ

В завкоме профсоюза царил необычайное оживление: неистово скрипели перья, бойко стрекотала пишущая машинка, проворные курьерши мчались с бумагами.

Ожила природа, прибавив хлопот профсоюзным работникам. Наступила весна, а за ней жаркое лето. Тут только успевай поворачиваться! Коллектив большой, и у каждого свои запросы: одни в парке погулять захотят — нужно организовать для них культпоход; опять же загородные прогулки надо устраивать, за реку, либо в сосновый бор. А молодёжь непременно мячи потребует — изволь оборудовать футбольное поле, волейбольные и баскетбольные площадки.

Много дел у завкомовцев: всё-то предусмотреть надо, продумать, согласовать, запланировать. Потому так усердно и скрипели перьями председатель завкома профсоюза Александр Дмитриевич Мосягин и его заместитель Николай Григорьевич Чеботарёв.

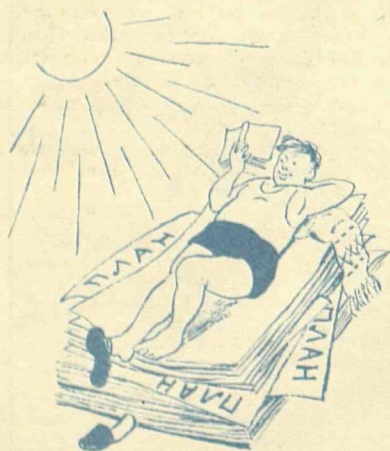
Когда план по организации летнего отдыха рабочих завода «Алтайсельмаш» был составлен, в нём насчитывалось не менее трёх десятков пунктов, подпунктов и параграфов. В числе других мероприятий намечалось провести десять коллективных посещений городского драматического театра и парка имени С. М. Кирова. В заводском клубе было решено дать шесть концертов заводской художественной самодеятельности и прочесть для коллектива десять публичных лекций. Не забыли и о молодёжи: план предусматривал проведение межцеховых соревнований по футболу и волейболу, оборудование шести дополнительных волейбольных площадок, четырёх площадок для городков и много других культурных мероприятий.

После многотрудного планирования Александр Дмитриевич облегчённо вздохнул, вытер вспотевший лоб и сказал:

— Фу! Будто гора с плеч... Теперь, пожалуй, и нам отдохнуть следует.

— Действительно, пора бы, — охотно согласился Чеботарёв.

Прошло две, три, а затем и четыре недели. Вдоволь отдохнувшие профсоюзные работники вспомнили наконец о плане.

— А что, Николай Григорьевич, не организовать ли нам культпоход в городской драматический театр? — предложил Мосягин. — Кстати, это мероприятие, кажется, и в плане у нас записано.

— Точно, запланировано, — ответил Чеботарёв. — Только узнать бы надо, какие постановки идут в театре.

После наведения справок выяснилось, что театральная коллекция отбыла на гастроли в районы края и вернётся не раньше осени.

Рисунок Бориса ЛЕО.

Шёпот...

Робкое...

— Жаль, жаль, — сокрушённо заметил Мосягин, — выходит, опоздали малость.

— А ты на осень перенеси эти культпоходы, — успокоил председателя его бессменный заместитель.

— Дельное предложение, — согласился Мосягин. — Но тогда концерт художественной самодеятельности хотя бы соорудить надо.

Порешив на этом, Мосягин и Чеботарёв пригласили в завком председателя культкомиссии, заведующего клубом Леоновича.

— Ну, как, уважаемый, ваши дела на культурном фронте? — спросил Мосягин.

— Думаем развернуть работу, товарищ председатель... Непременно развернём и усилим.

— А концерт для коллектива в воскресенье организовать сможешь?

— Рад бы всей душой, да ведь не собрать теперь участников самодеятельности: лето — не зима. К тому же многие в отпуск поразъезжались.

— Выходит, нет никакой возможности?

— Теперь нет... Вот если осенью, тогда другое дело.

Так потерпел крах второй пункт плана, ко-

торым предусматривалось проведение шести концертов художественной самодеятельности для коллектива завода «Алтайсельмаш». Лекции в клубе также не состоялись.

Что же тогда сделали по плану мероприятий профсоюзные руководители? Может быть, организовали коллективные выезды за город, за реку Алей, в сосновый бор? Нельзя сказать, чтобы Мосягин с Чеботарёвым были домоседами. В выходные дни они выезжают с семьями в Шубинский дом отдыха, на Лебяжинское озеро и в другие места.

А как же коллектив? Рабочие вынуждены заниматься самодеятельностью: одни в выходной день идут с удочками на реку, другие бесцельно бродят по городу, мечтая о зелёном лесе, о весёлом коллективном отдыхе.

Стоят жаркие летние дни, а из завкома профсоюза веет холодком. Ничто не напоминает здесь о плодотворной деятельности. План по организации летнего отдыха секретарша подшила в специальную папку и хранит его под массивным замком.

А. ШЕСТАКОВ

г. Рубцовск.

В Союзе советских художников редко можно услышать прямую и принципиальную критику в адрес руководителей союза.

(«Правда»)

дыханье...

Трели соловья.

свадьбы оставил свою невесту, такого-то снимают с работы...

Но вот что самое важное: стоит Аркадию Ахову появиться, как тут же часы начинают спешить. Да, да, я говорю это вполне серьёзно, не шучу. Часы словно сходят с ума, становятся бешеными! Не успеешь прослушать новости, анекдоты, — глядишь, а время уже кончат работу. Вроде и просидишь-то с Аховым минут десять — пятнадцать, а посмотришь, прошло часа полтора — два.

Его ничем не проймёшь. И зевнёшь, — дескать, «надоело», — и порываешься уйти — «опаздываю, ждуть!» — но Ахов неумолим, ему хоть бы что!

Слегка расставив ноги, он наклоняется к собеседнику, смотрит на него в упор и, чуть-чуть приподняв руки и шевеля пальцами, как рыба плавниками, говорит, говорит... Губы его вот-вот, кажется, готовы причмокнуть, а челюсти неустанно движутся; щёки, нос, брови, лоб — всё лицо его жуёт, обсасывает, смакует!

Глядишь и поражаешься: до чего же восхитительно крадёт человек, и не что-нибудь, а время, самые обыкновенные и очень нужные нам минуты, часы!..

У него есть набор заготовленных фраз, и их он произносит так, точно расшаркивается или демонстрирует фокус. Вот некоторые из изречений Ахова: «Он сделает из тебя твою противоположность»; «Человек чудовищной красоты!»; «Ну, чудно!»; «Это написано удивительно вкусно»...

Как бы между прочим он обязательно сообщит и какую-нибудь кляузу на твоё начальство, какую-нибудь забавную историю, свергающую с высот знаменитость. Ну, а если слушает Аркадия само начальство, то он прошерстит для удовольствия собеседника всех подчинённых...

Но, пожалуйста, не думайте, что Ахов болтлив всегда. Рассказывают, — дома он совсем иной. Кажется, так оно и есть. Я однажды видел его на улице — он шёл с супругой. Лицо у него было озабоченное, и говорил он очень сдержанно, очевидно, что-то дельное.

Если вы хотите знать, как избавиться от Ахова, могу предложить вам рецепт, испытанный на себе, лично. Скажите ему напрямик, что вам некогда, что вы не можете, не хотите его слушать. Пусть вас не смутит, что Аркадий Ахов обидится, может даже рассердиться. Он презрительно улыбнётся, «обаятельное» лицо его станет злым, а голос неприятным, жёстким.

— А! — произнесёт он надменно и отвернётся. — Деятели!..

Два — три таких инцидента — и вы уже почти незнакомы. Вы добились своей цели!..

Говорите, вы видели его? Не его, но знаете такого же, только зовут его не Аркадий, и фамилия другая? Ну что ж, очень может быть. Это, в конце концов, не так уж и важно... Ах, он и одевается не так и держится несколько иначе? Возможно. Их ведь ещё много, таких вот людей, расхитителей нашего времени...

В. УВАРОВ

ВЫ ЕГО ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ

Вы утверждаете, что вам не приходилось встречать Аркадия Ахова? А припомните-ка!

Он двигается Энергично, вышагивает широко, несколько наваливаясь всем корпусом на выставленную вперёд ногу, как моряки или как грузчики во времена слабо развитой механизации погрузо-разгрузочных работ...

А в помещение Аркадий входит с ветерком, развевая распахнутыми полами пальто, плаща или пыльника, в зависимости от сезона, от погоды. Войдёт, вскинет несколько голову, властно оглянет комнату — больше всего по краям потолка — и независимо, громко скажет:

— Салют!..

Или:

— Привет Василию!.. Привет Алёшке!.. — Хотя этому самому Алёшке или Василию, глядишь, лет под сорок, а то и под пятьдесят.

Простояв несколько мгновений неподвижно, дав на себя посмотреть (он уверен, что обаятелен, даже красив), Аркадий берёт стул за спинку и, резко повернув его сиденьем к себе, усаживается, как на коня, верхом. Усаживается прочно, надолго.

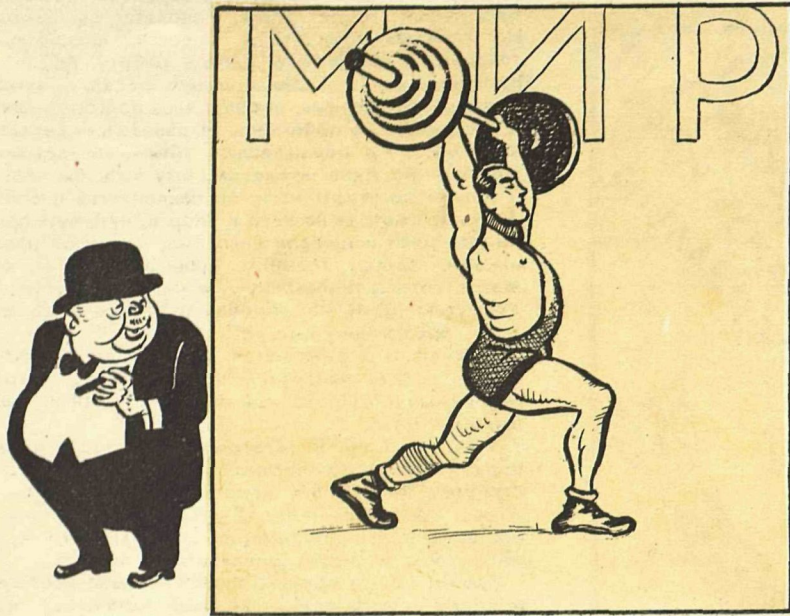
— Как, старина, дела? — спрашивает он, не обращая внимания на то, что ты занят работой или разговариваешь с другим. — Какие новости? Как жизнь?

Предлог для посещения у него один: пришёл поведать! Что же касается целей, то их может быть множество: и закрепить знакомство и что-то разузнать... Словом, разве определишь, для чего и зачем пришёл этот «милый», всегда немного возбуждённый, деятельно настроенный Аркадий Ахов!

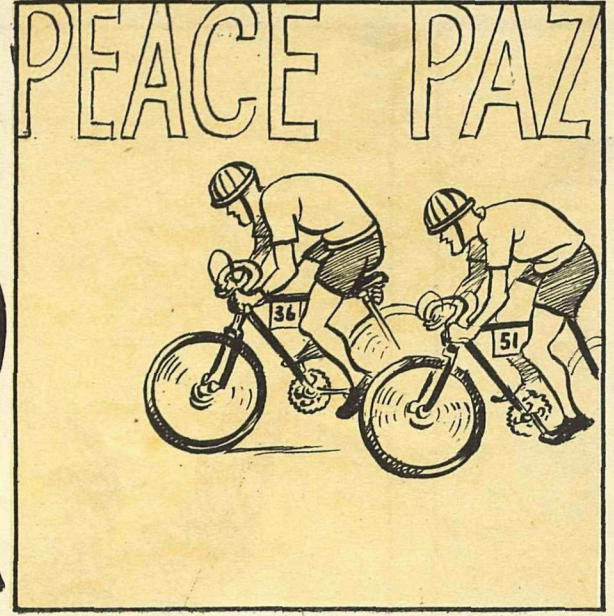
Подсев, он обязательно сообщит какую-либо новость, а то и не одну. Скажем, о том, что в ближайшее время начнутся сильные ливни, поезда в метро будут перекрашены из голубого в розовый цвет. Расскажет и несколько анекдотов (они у него записаны в малюсенькой такой, потрёпанной книжечке) или сообщит по секрету, что жена известного дирижёра отколотила мужа его собственной дирижёрской палочкой, да ещё во время концерта! А такой-то в самый канун

ФЕСТИВАЛЬ...

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

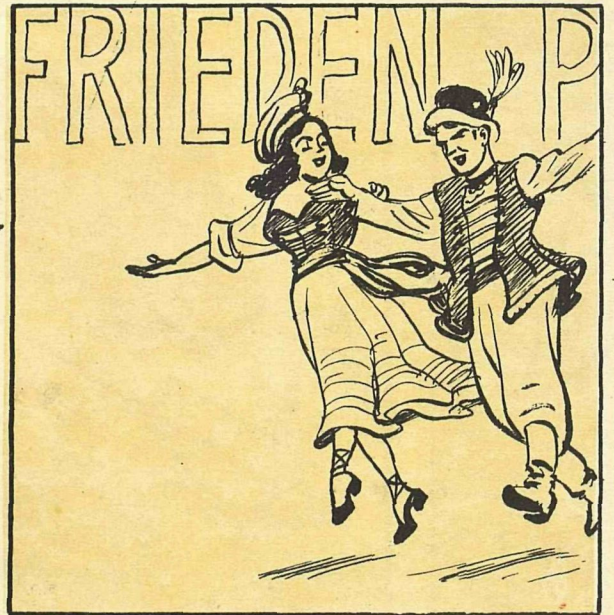
— Я предпочитаю поднимать цены.

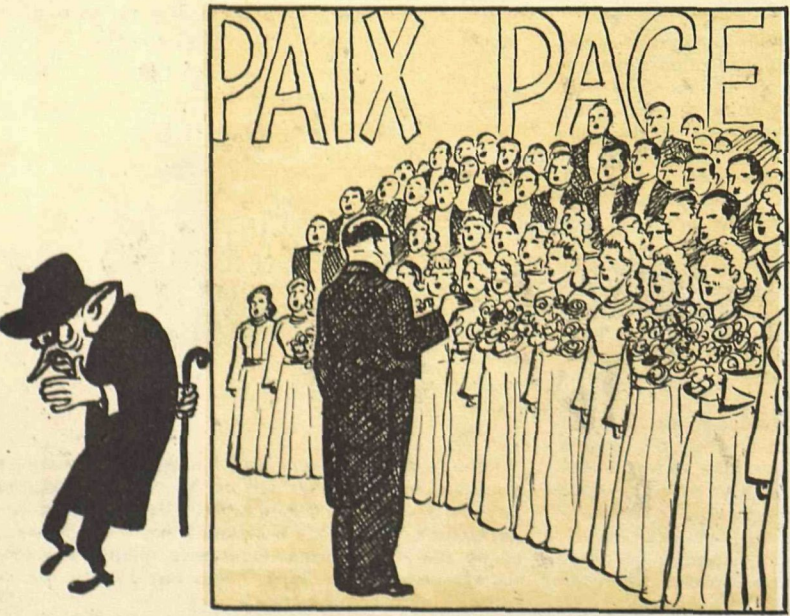
— Из всех видов гонок меня интересует только гонка вооружений.

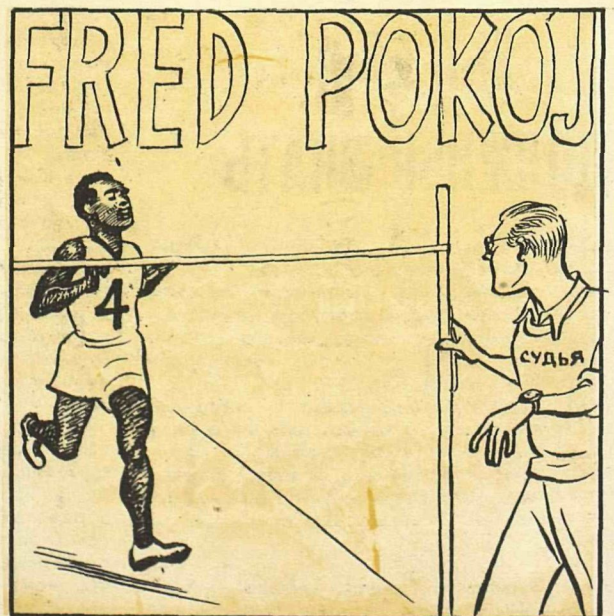
— По-моему, военная форма им больше к лицу.

— Я предпочитаю танцевать под американскую дудку.

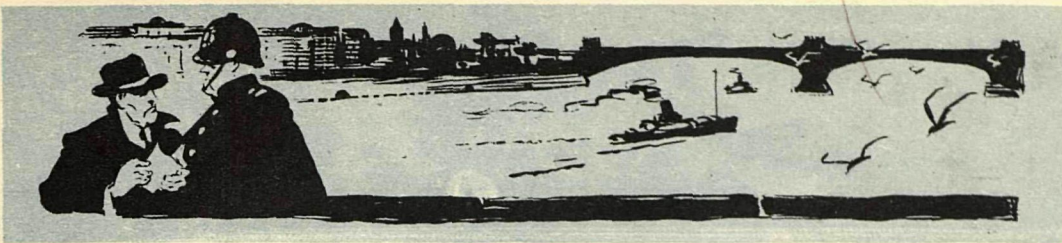

— Меня больше устраивает один голос — «Голос Америки».

— Будь я на месте судьи, я бы над этим чемпионом устроил суд Линча.

...С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ, ОТ КОИХ СЯ НЕ ЗАВИСИТ.

«Сумасшедший майор»

Сначала на него никто не обращал внимания. Даже полисмены. Ходит человек по набережной, — ну, и пусть ходит, раз ему нравится. Вид у него самый обычный. Костюм, правда, плоховат — светлеют протёртые локти, шляпа далеко не первой свежести. Взгляд настороженный. Нет, пожалуй, тоскливый.

Проходя мимо полисмена, человек отвернулся. Тоже понятно. Полисмен не радует глаз. К тому же он не диковина и не редкость, в особенности неподалёку от Скотланд Ярда. А человек шёл по набережной Виктории от Вестминстерского моста, именно мимо Скотланд Ярда. Дойдя до моста Хангерфорд, он повернул обратно и доплёлся до парламента. Постоял, посмотрел и направился дальше — к мосту Ламбет.

Через час его снова можно было видеть около Вестминстерского моста. Он стоял с записной книжкой в руках. Это полисмену уже не понравилось. Он величественно, как дреднот, подплыл к незнакомцу и начал беседу:

— Думаю, что это вам не по карману.

— Что?

— Мост. Вы его так рассматриваете, словно желаете купить в рассрочку.

Человек только усмехнулся и побрёл к мосту Ламбет. Потом он долго ходил по набережной Альберта, наблюдая за мутной, холодной Темзой.

Через несколько дней, в полдень, когда набережные особенно заполнены народом, над Темзой, в районе моста Ватерло, появился небольшой моноплан. Летел он невысоко: метров на сто пятьдесят — сто семьдесят, не выше. Сначала на него никто не обратил внимания. Даже полисмены. Летит моноплан, — ну, и пусть себе летит. Но самолёт вдруг с небольшой высоты с рёвом спикировал почти до самой воды. Тогда на него все обратили внимание. Даже полисмены. Пикировать тут не полагается. Нарушение! И не простое, а с возможными неприятными последствиями.

А моноплан опять кружится над центром Лондона, словно нацеливается на мост Ватерло. И снова неожиданное пикирование к самым серо-зелёным волнам. Толпы народа на набережной ахнули. Самолёт на этот раз не взмыл в небо, а пролетел под мостом, почти касаясь колёсами воды.

За мостом Ватерло мост Хангерфорд, затем Вестминстерский, потом Ламбет, Вокс хол...

Под пятнадцатью мостами пролетел моноплан.

Всё чаще и чаще в толпе слышалось:

— Какой-нибудь сумасшедший!

* * *

Часом позже на аэродроме лётчик, выбравшись из кабины, заявил окружившим его репортёрам:

— Совершенно верно. Когда-то меня звали «сумасшедший майор». Когда это было? Если округлять, с тех пор прошло лет тридцать пять. Да, да, в первую мировую войну! У меня было воинское звание и имя — майор Кристофер Дрейпер. Но чаще всего меня звали «сумасшедшим майором». Спрашиваете, почему? Говорят, за храбрость. Я сбил пятнадцать вражеских самолётов. Обо мне много писали в газетах. Печатали мои портреты. Однажды — я это отлично помню — в газете было напечатано: «Родина никогда не забудет своих бесстрашных лётчиков».

Репортёры насторожились:

— Что же дальше? Вы хотите сказать, вас забыли?

— Совершенно верно. Забыли. Я перепробовал множество занятий: был цирковым акробатом, клерком, продавал слесарные инструменты. Но главная моя профессия — гулять по набережной, мозолить глаза полисменам. Я без работы уже больше года. Куда ни обращался, всюду посмотрят и обязательно спросят: «Сколько вам лет?» А я не дипломат, врать не умею, отвечаю: «Шестьдесят». Ещё раз посмотрят и не берут. Заходил на фабрики и заводы. Обивал пороги в государственных учреждениях, в частных фирмах. Соглашался на любую работу... Удивляетесь, почему я об этом рассказываю? Язык всегда вертится около большого зуба...

* * *

Когда последние разочарованные репортёры расходились от моноплана, кто-то из них сказал:

— М-да... На этой истории много не заработаешь...

Заграничные газеты и журналы посвятили «лебединой песне» Дрейпера всего несколько строк. Даже американский журнал «Тайм» не сделал из неё сенсацию. Слишком уж явственно проступали сквозь внешнюю оригинальность поступка «сумасшедшего майора» хмурые будни современной Англии.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

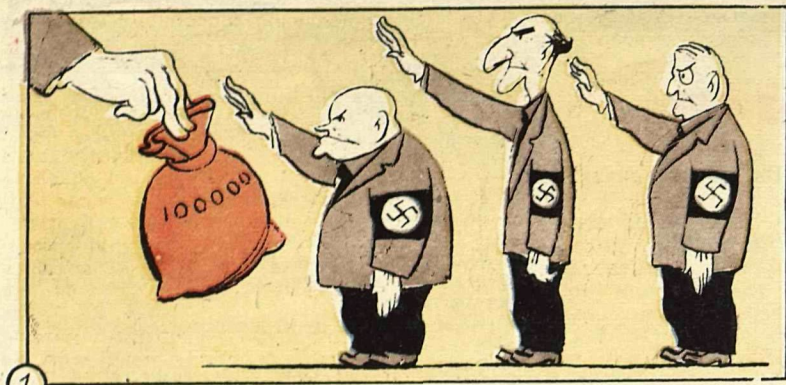
НОВОАМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ ЗАЩИТЫ

Рисунок Л. БРОДАТЫ.

ПОЛИСМЕН: — С моей фигурой вы не пропадёте!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

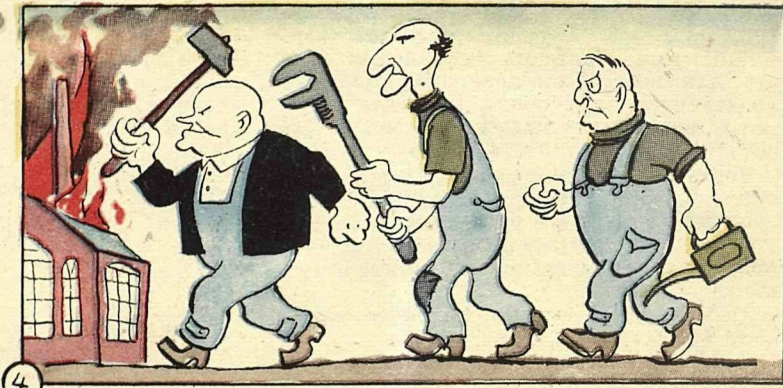
1 «Волнения возникли стихийно».

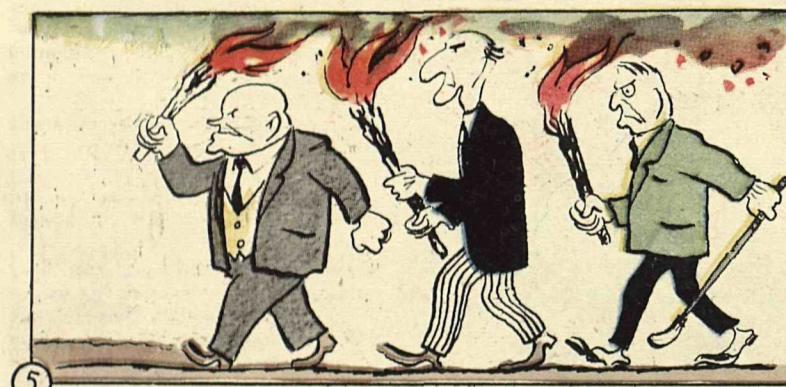
2 «В них принимало участие население Германской Демократической Республики».

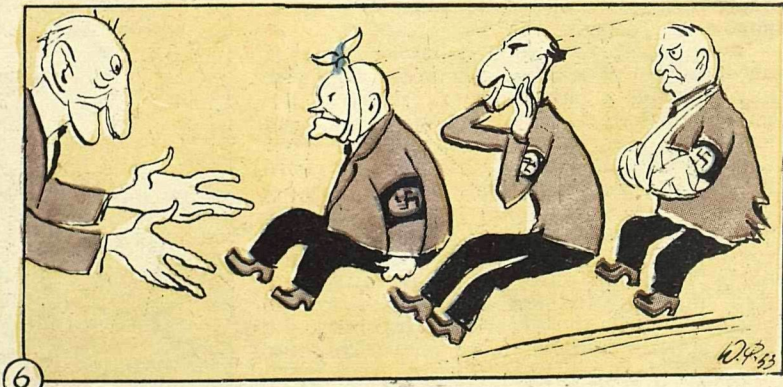
3 «Крестьяне».

4 «Рабочие».

5 «Интеллигенция».

6 «Боннское правительство выразило сочувствие пострадавшим 17 июня».

Георгий РУБЛЁВ

БАЛЛАДА О КОСТЮМАХ

(СЛУЧАЙ НА ОДНОМ ИЗ КОНГРЕССОВ СТОРОННИКОВ МИРА)

С огромным чемоданом
Он прибыл на конгресс...
Гость показался странным
И вызвал интерес.

Всегда в костюме новом,
И что ни день — в другом:
То в чёрном, то в лиловом,
То в светлоглубом.

То в синем, то в песочном,
То в клеточку, то без,
Индонезиец точно
Являлся на конгресс.

Казалось неуместным
Такое франтовство.
И журналист известный
Решил кольнуть его:

— Трудна для вас дорога,—
Багаж пудов на пять.
Костюмов очень много
Пришлось вам здесь менять.

Устали на конгрессе вы
От этого труда...
И гость из Индонезии
Ответил просто:

— Да.

Когда я делегатом
Был избран всей страной,
Пиджак мой был в заплатах,
А брюки с бахромой.

Но, не сказав ни слова,
Собрались земляки.

Костюм мне сшили новый,
Купили башмаки.

Из города Джакарты
Пришёл костюм другой,
Потом четвёртый, пятый...
Потом седьмой, восьмой...

При этом город каждый
Настойчиво просил,
Чтоб я на съезде важном
Его костюм носил...

Так на конгрессе мира
По воле земляков
Менял свои костюмы
Бедняк из бедняков.

ДОН-КИХОТ АМЕРИКАНСКИЙ

В Нью-Йорке, на Адамс-стрит № 378, в редакции газеты «Диарио де Нуева Йорк», издающейся на испанском языке, разгорелся крупный спор. Обсуждался вопрос: есть ли в современной американской литературе образ, равный по силе и значению образу Дон-Кихота?

— Друзья,— говорил поседевший на рекламе журналист — мне не приходилось читать «Дон-Кихота» в полном виде, но однажды я просматривал эту книжку в сокращённом, карманном издании. И я думаю, коллеги, что в Америке тоже есть свой Дон-Кихот. Взгляните на Майка Хаммера, героя романов Микки Спиллейна,— и убедитесь!

— Я читал всего «Дон-Кихота» в полном издании,— взял слово один из младших сотрудников редакции.— Поверьте, у нас нет равного ему. Не может Хаммер сравниться с Дон-Кихотом, который воплощает в себе насмешку над феодальными условиями жизни, средневековыми понятиями и нравами.

— Чепуха, молодой человек! — рявкнул один из редакторов. — Какие там нравы и понятия! Бабушкины сказки!

— Хорошо, послушайте тогда, что сказал сам Сервантес: «Для меня одного родился Дон-Кихот, как и я — для него; ему дано действовать, мне — описывать. Вдвоём с ним мы составляем одно целое, вопреки и назло лживому тордесильскому сочинителю, который дерзнул (или ещё дерзнёт) грубым и плохо очинённым страусовым пером описать подвиги моего доблестного кабальера,— труд, непосильный для его плеч и для оледенелого его ума».

— Сервантес не мог предвидеть, что в Америке появится Микки Спиллейн,— парировал редактор.

По залу прокатился гул одобрения. Тут же механическим большинством голосов было решено, что американский писатель Микки Спиллейн способен заткнуть за пояс любого классика, в том числе и испанского. Основание: Дон-Кихота он создал такого, что подлинный ему и в подмётки не годится.

Вскоре после столь продуктивного заседания редакция тиснула в газете пространную статью некоего Хесуса де Галиндеса, посвящённую этим историко-литературным исследованиям. В статье нахально и прямо говорилось, что герой романов Спиллейна Майк Хаммер «бесцеремонно развезжает по дорогам Америки, как современный Дон-Кихот, с многочисленными дульцинеями, да ещё с какими дульцинеями!»

Разберёмся, чем вызваны восторги «Диарио де Нуева Йорк», на чём основаны такие сверхдикие параллели.

Майк Хаммер не рыцарь. Он не имеет ни старого железного шлема, ни других неудобных и смешных рыцарских принадлежностей. Нет у него и прекрасного, но маломощного коня Росинанта. Всё это кустарщина. Майк — частный сыщик, использующий новейшие достижения американской техники — от гоночной машины и многозарядного пистолета до автоматических наручников.

Лихой образ Майка проходит через все послевоенные книги Спиллейна, названия которых откровенно говорят сами за себя: «Месть — моё стремление», «Я — судья», «Мой безотказный пистолет», «Долгая надежда», «Большой убийца», «Одинокая ночь». Общий скорострельный тираж этих книг превышает тринадцать миллионов экземпляров.

Дон-Кихот Американский в отличие от Дон-Кихота Ламанского не сражается с ветряными мельницами. Нерентабельное занятие! Майк вложил капитал своих недюжинных способностей в несравненно более модный и прибыльный бизнес, а проценты с этого капитала получает, так сказать, натурой. Он убивает, режет, давит, душит и травит, а в перерывах между этими боевыми операциями шантажирует, спекулирует, ремонтирует свои доспехи и рекламирует самого себя. Майк питает поистине убийственную слабость ко всему честному и передовому: на страницах спиллейновских романов он уничтожает коммунистов, по его собственному выражению, «направо и налево». Через все творения Спиллейна кроваво-красной нитью проходит тема антикоммунизма. Журнал «Тайм» считает, что «если бы Майк не действовал против коммунистов, то Спиллейн не имел бы огромного состояния и был бы до сих пор малоизвестным человеком».

Роман «Большой убийца» насчитывает сто шестьдесят восемь страниц; он издан в виде карманного пособия начинающему бандиту с призывающей к погромам обложкой. В книжке описаны, по далеко не пол-

ным данным, двенадцать убийств, причём два совершаются прежде, чем читатель успеет перевалить за пять первых страниц. Последнее же — выдающееся — убийство принадлежит способному молодому человеку в возрасте около одного года.

А вот перед нами последняя, седьмая книга Микки Спиллейна с участием того же главного героя — Майка. Она имеет задушевное кладбищенско-лирическое название — «Зацелуй меня до смерти». И здесь, по свидетельству упомянутой газеты «Диарио де Нуева Йорк», Дон-Кихот Американский, следуя своей традиции, «создаёт самые невероятные ситуации, а затем сам же распутывает их при помощи одного удара по черепной коробке». Вместе с Майком действуют четыре женских персонажа. Две разбитные дульцинеи уже на первых страницах благополучно погибают в результате мести любовников. Третья скоростижно теряется в дороге. И, наконец, последняя, имевшая с Майком наиболее близкие отношения, под занавес также транспортируется на кладбище.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Сюжет развивается стремительно, как погоня за гангстером, не откупившимся надлежащей взяткой. Дон-Кихот Американский несётся в легковой машине по загородному шоссе, как всегда, с пистолетом в кармане. Ему встречается незнакомая девушка — дульцинея, «превышающая восхваление грации и красоты», как сказал бы классический Дон-Кихот. Девушка просит подвезти её до Нью-Йорка. Герой соглашается. Проехав несколько миль, Майк видит стоящий поперёк дороги автомобиль и останавливает свою машину. На него набрасываются бандиты и наносят ему удары по темени, после чего он, взвесив соотношение сил, благоразумно теряет сознание. Дульцинея попадает в руки конкурентов. В следующей главе мы узнаём, что Дон-Кихот снова, как обычно, в безопасности и добром здравье. А его несравненная дульцинея пребывает уже в полиции за торговлю наркотиками и за связь с бандитами.

Один раздражённый читатель спросил однажды автора этих книг:

— Послушайте, Микки, какого чёрта вы занимаетесь подобным творчеством?

— Чёрт побери! — в тон ему ответил наследник Сервантеса. — Я не творю, а пишу. Нужно ведь как-то зарабатывать. Я пишу не для своего удовольствия. И я не пытаюсь перевоспитывать людей. Мои книги способствуют моральному разложению, это я знаю. А если за это гонят монету, то вот и всё, что мне нужно.

Но Спиллейн даже не пишет свои романы. Он производит их.

У Микки солидный штат помощников, преимущественно уголовников. Одни описывают только муки умирающего от ножевой раны человека. Другие специализируются на пейзажах. Третьи смакуют состояние человека после изрядной дозы наркотиков и т. п. Сам же Спиллейн выступает в роли сборочного цеха. Он принимает с конвейера детали, затем, так сказать, свинчивает их своей автоматической ручкой и сдаёт готовую продукцию заказчику.

Официальная реклама кричит: «Читайте Спиллейна! Белокурый херувим смерти успокоит ваши нервы!» В колледже «Рэдклифф» создан специальный клуб любителей Спиллейна, распространяющий его сочинения. Издатели с превеликим коммерческим удовольствием печатают доходные романы Микки.

Книжный рынок Соединённых Штатов до краёв полон гангстерской литературой. Эта литература щедро экспортируется в другие капиталистические страны. Классические произведения, если они не забыты или если не распространилось ещё на них бешенство сенатора Маккарти, уродуются и гангстеризуются. Но, видимо, перекушал американский читатель этой обильной духовно-уголовной пищи. Предложение превышает спрос. Тут-то на помощь востроумным издателем и приходит газета «Диарио де Нуева Йорк» со своей шулерской идеей: замаскировать под наследника великого Сервантеса литературного громилу и бизнесмена, наёмного «рыцаря на час» Микки Спиллейна — того Спиллейна, который, по справедливой оценке американской газеты «Дейли уоркер», «намерен вобрать в себя всю грязь и превратиться в отхожее место американской литературы».

В. ЧИЧКОВ

С ПРЕДЪЯВЛЕНИЕМ ЧЕКА

ПОЛОСАТАЯ РУБАХА

Человек в полосатой зелено-оранжевой пижаме попытался проникнуть в харьковский ресторан «Люкс», но был остановлен швейцаром и подоспевшими работниками гардеробной службы.

— Не велено! Не полагается! — кричали они строгими голосами. — Здесь не пляж и не санаторий!

В ответ человек в зелено-оранжевых полосах хладнокровно усмехнулся и предъявил копию товарного чека, из которой явствовало, что на нём вовсе не пижамы, а рубашка-фантази, новинка сезона, купленная в Центральном универмаге.

Блюстители ресторанаго этикета капитулировали. Вскоре зелено-оранжевый гражданин уже поедал свой шницель. Нет, не может быть, что на нём всё-таки рубашка! Самая доподлинная пижамы, но только заправленная в брюки! А товарный чек?

Для того чтобы разузнать подробности, связанные с загадочной новинкой сезона, мы поспешили в Центральный универмаг. Директор магазина П. А. Ельцов всё объяснил:

— Верно, наша рубашка! Имеется в продаже... Только шьют её из пижамного материала, из остатков штапель-сатина... Что? Слишком ярко? Грубо? Безвкусно?.. Эх! Не знаете вы запросов харьковчан!

Об удивительных вкусах местных покупателей нам пришлось услышать ещё не один раз. В галантерейном отделе висели бутылочного цвета портьеры, разукрашенные огромными аляповатыми розами небрежной машинной строчки.

— Именно такие обожают наши покупатели! Вынь да подай им вышивку поцветастей! — уверяли продавцы.

В секции дамских платьев нас поразили фасоны, обременённые множеством устаревших оборочек, рюшей, фестончиков, режущие глаз пестротой своей отделки.

— У нас, на юге, женщины любят всё броское, ярко! — доверительно сообщали работники универмага.

Тогда мы спросили: — Откуда же вам так хорошо известны вкусы и запросы потребителей?

— Да ведь мы проводим покупательские конференции! — сказал товарищ Ельцов.

ТО БЫЛО РАННЕЮ ВЕСНОЙ...

В апреле Центральный универмаг устроил конференцию покупателей и приуроченную к ней выставку весенне-летних товаров. С большим исследовательским пылом изучили мы стенограмму этой конференции. Увы! Ни одно слово, сказанное покупателями, не изобличало в них сердца Кармен.

Говорили они и о бутылочной портьере с розами. Но что говорили?!

— Я не понимаю, кто взял на себя смелость показать на выставке эту портьеру! Кто такую портьеру купит? Если в доме новорождённый, то ещё ничего, а если подрастающий ребёнок, то он навеки испортит себе вкус! (Из выступления тов. Лазаревой.)

Говорили на конференции и об отделке платьев.

— Купила я у вас платье цвета бордо. Покупала вечером и не рассматрела, какая отделка, думала, что она в тон. Оказалось же, что прекрасное бордовое платье отделано сиреневым. Теперь я стесняюсь его надевать и ни разу так и не надела! (Из выступления тов. Шершневой.)

Наверно, и в грудь харьковчанина тов. Маргулиса торговые работники готовы вложить сердце оперного Хозе, а шею ему повязать чем-нибудь попестрее. Но послушаем, что говорит сам Маргулис:

— Целый месяц я не могу купить у вас хорошего галстука. Те, что есть, никуда не годятся! Харьков — большой промышленный центр. Чего только мы не вырабатываем! А вот красивого галстука сделать не можем.

Торговым работникам пришлось выслушать от покупателей множество неприятных, но справедливых укоров.

Пенсионерка Наталия Ивановна Максимова возмущалась тем, что в магазине и его филиалах нет для пожилой женщины скромной, элегантной шляпки и удобных кожаных туфель. Техник Ирина Григорьевна Перепёлкина напомнила, что в город завозится недостаточно холодильников. Говорили участники конференции и об удручающем однообразии моделей готового платья, и о скудном ассортименте обуви, и об отсутствии пуговиц и перчаток, и о том, что универмаг плохо заботится о товарах для школьников.

И почти каждый добавлял:

РАЗГОВОР О РЕПЕРТУАРЕ

Рисунок Л. ГЕНЧА.

Певица: «С этим что-то делать надо, Надо что-то предпринять...»
Голос из публики: — Правильно!

— Вещь должна быть не только добротной. Больше во всём изящества, простоты, поменьше безвкусицы!

О ХОЛОДИЛЬНИКАХ, ПУГОВИЦАХ, ЧУЛКАХ И ПРОЧЕМ

С тех пор минуло больше трёх месяцев. Мало что изменилось за это время в харьковском универмаге.

Качество, ассортимент... Об этом магазин только «ставил вопросы», а не добивался их разрешения. Говорили, писали и на том успокаивались.

Поставщики многих товаров находятся тут же, в Харькове. Это фабрики — чулочная, трикотажная имени Микояна, первая, вторая и пятая обувные, швейная имени Тинякова и другие. Они нарушают планы поставок и в сортности, и в размерах, и в расцветках.

Дело дошло до явных нелепиц. Новёхонькие, только что полученные с фабрики имени Тинякова брюки для мальчиков магазин вынужден пускать в «переработку». Их укорачивают, корнают, переделывая на фасон «гольф». Сама же фабрика выпускать этот фасон упорно не хочет. Её директор Н. П. Комендатенко убеждал, что уже с десяти — двенадцати лет все мальчуганы должны ходить в солидных брюках навыпуск.

Чулочная фабрика попрежнему поставляет свою продукцию главным образом в тёмных, нехлопотливых для производства расцветках. Смирился магазин и с этим. А продавцы даже начали уверять покупателей, будто тёмный чулок только облагораживает ногу.

Пуговичной проблеме было посвящено специальное совещание у председателя исполкома областного совета депутатов трудящихся И. М. Волошина. Приглашённые сюда представители промысловых артелей с редким единодушием заявили, что любые пуговицы они с радостью освою и забросают ими торговую сеть.

Однако после совещания артели почему-то принялись осваивать не пуговицы, а примусные иголки и детские пинетки. Быстрее всего удалось освоить иглу. Когда было выпущено уже свыше ста тысяч «прочисталок», выяснилось, что они не лезут в отверстия примусных форсунок. Что касается пинеток, то их успели сделать всего пятнадцать тысяч пар, из которых проданы до сих пор лишь отдельные экземпляры. Артельщики не сообразили, что обувь для младенцев не следует шить из кожи, идущей на болотные сапоги. Таким образом, харьковчане в конечном счёте остались без примусных иглол, без младенческих пинеток и без приличных пуговиц.

О производстве в Харькове холодильников тоже только поговорили. Выяснили, что один из заводов выпускать их может, но тем дело и кончилось.

Ну, а как в Харькове с новыми фасонами платьев, белья, галантерей? Как с провозглашённым на конференции походом против безвкусицы?

Толковать об этом с поставщиками представителям универмага просто нелегко. Он и сам располагает промкомбинатом, выпускающим несколько видов изделий, которые, однако, не блещут особой изысканностью.

Бутылочные гардины с грубо вышитыми ядовито-алыми розами выпускал и выпускает для магазина его же комбинат.

Бордовое платье с отделкой сиреневого цвета сработано тем же комбинатом. И по сей день хороший материал здесь частенько портят несуразной отделкой.

Диковинная рубашка из пижамной материи, в которой пускают в ресторан лишь по предъявлении копии товарного чека, также является творением комбинатовских модельеров.

Сами того не замечая, работники лучшего харьковского магазина внедряют и проповедуют дурные, отсталые вкусы!

Евгений ТРОИЦКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила.
г. Харьков.

Дорогой Крокодил!

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Подобные картины мы наблюдаем ежедневно. На труднопроходимых улицах нашего города застревают и легковые машины и выдавшие виды тягачи.

Ты, возможно, спросишь: видят ли это руководители райисполкома?

Как не видеть! Авария, запечатлённая на снимке, произошла буквально под окнами заместителя председателя райисполкома тов. Урванцева.

Глядит тов. Урванцев на застрявшую машину и думает. О чём? О благоустройстве улиц? Едва ли. Об этом он давно мог бы подумать, время у него было. Вернее всего, он мечтает о том, чтобы приобрести вездеход: на нём и не такие ухабы можно преодолевать.

М. КУТЮКОВ

г. Яранск,
Кировская область.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Не подумай, что ты видишь тут акробатов-эквилибристов над водной пучиной. Пучина, положим, налицо — горная река Малая Лаба, — но в роли акробатов невольно выступают жители станции Андрюковской, ежесуточно перебираясь таким образом через реку в село Псебай и обратно.

Штатные постановщики этого головокружительного номера — председатель Андрюковского сельского совета товарищ Бугаев и председатель исполкома Псебай-

ского райсовета товарищ Нестеренко.

Районная газета «Знамя победы» в своё время разрекламировала обещания товарища Нестеренко починить мост. Но это оказалось не больше, не меньше, как словесным сопровождением к опасному номеру, который так и не сходит с районной арены.

В. БЕЧИН

село Псебай,
Краснодарского края.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Это бесценное произведение искусства украшает аллею Таганрогского парка культуры и отдыха. Называется оно «Борцы».

— Что же это, однако? — спросишь ты. — Вид-то у борцов какой: куда руки, куда ноги, куда буйна голова?

Сам должен понимать, дорогой Крокодил, что борьба без жертв не обходится.

Может быть, ты поинтересуешься, почему директор парка товарищ Бертем ходит мимо этой скульптуры, а мер никаких не принимает?

Он поступает строго по правилу: «Двое дерутся — третий не вмешивайся».

А зря, вмешательство его здесь было бы совсем не лишним.

П. ГЛАЗКОВ

г. Таганрог.

Крокодил не помог

«Ну, вот и ещё один год миновал. Добрый был год! А начальник вокзала станции Орёл инженер-майор движения Казанцев сидит у себя в кабинете хмурый-прехмурый, глядит с укоризной на последний листок календаря и чертыхается:

— Нет, ей богу, это чёрт знает что! Бумаги опять исписали — двум носильщикам не унести. Сколько же ещё лет они будут так вот строить и не достраивать, делать и переделывать?!»

Эти горестные строки были опубликованы в последнем номере «Крокодила» за прошлый год, в фельетоне В. Комова «Вопрос по существу». И никто не оспаривал их правильности. Начальник Мосгипротранса тов. Сидельников сообщил, что если «в процессе окончания недоделок» вокзала понадобится помощь проектировщиков, она будет оказана по первому требованию. Заместитель начальника Главного пассажирского управления Министерства путей сообщения тов. Васильев подтвердил, что вся необходимая проектно-сметная документация готова, средства выделены, работы производятся...

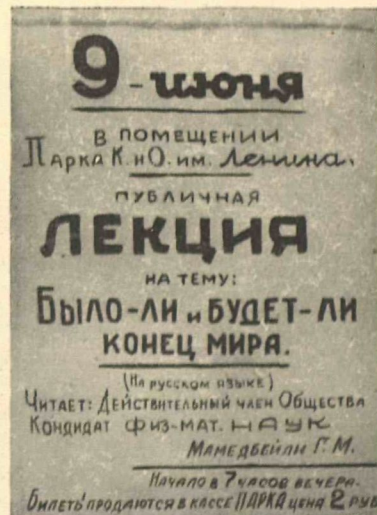
Но вот миновало после опубликования фельетона больше полугода, а начальник вокзала станции Орёл инженер-майор движения Казанцев попрежнему сидит у себя в кабинете хмурый-прехмурый. И чертыхается пуще прежнего. Потому что взорам его предстаёт всё тот же безрадостный ремонтно-строительный пейзаж.

И он с полным основанием задаёт всё тот же вопрос: — Сколько же ещё можно так вот строить и не достраивать, делать и переделывать?!

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Посылаю тебе в подарок фотографию афиши. Полубуйся на ней и пожалей, что ты не смог присутствовать на лекции, носящей такое интригующее название:

Объясни нам, пожалуйста: если конец мира уже БЫЛ, то как могла состояться столь популярная публичная лекция? Ведь после конца мира не осталось бы, как говорится, ни дна, ни покрышки, ни самих устройств лекции. А если страшный конец мира только предполагается через какие-то там миллиарды лет, то хватит ли этого срока авторам афиши для освоения основ самой простейшей житейской логики?

Г. ШИНДЕР

г. Кировабад.

Главный редактор — С. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКУРНИКОВЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „ПРАВДА“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва.

Изд. № 619.

Подписано к печати 4/VIII 1953 г.

Формат бум. 70×108/16. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

А 02892.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1973.

Тираж 350 000 экз.

40

13 АВГ. 1953

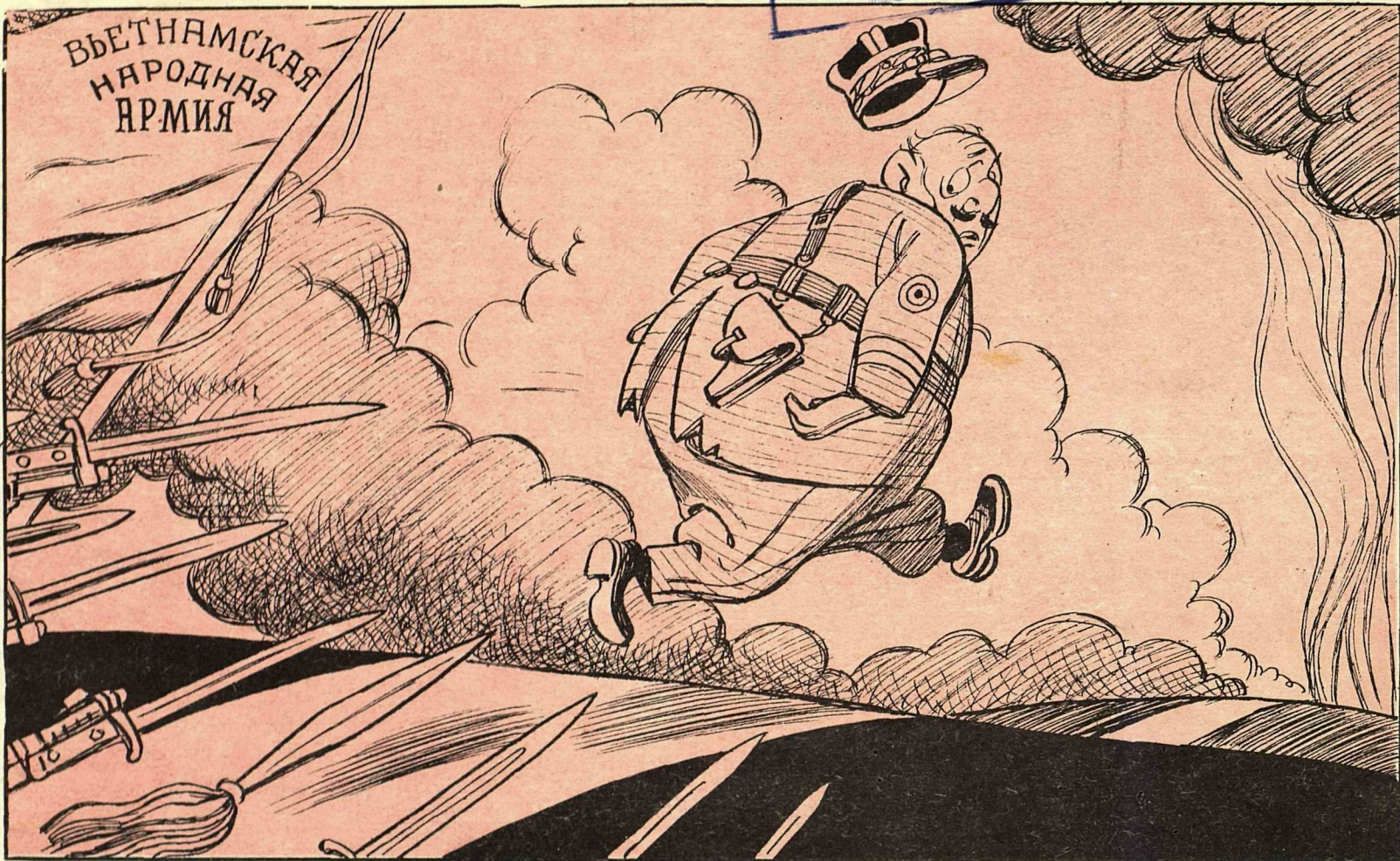
МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

9 5 4 3

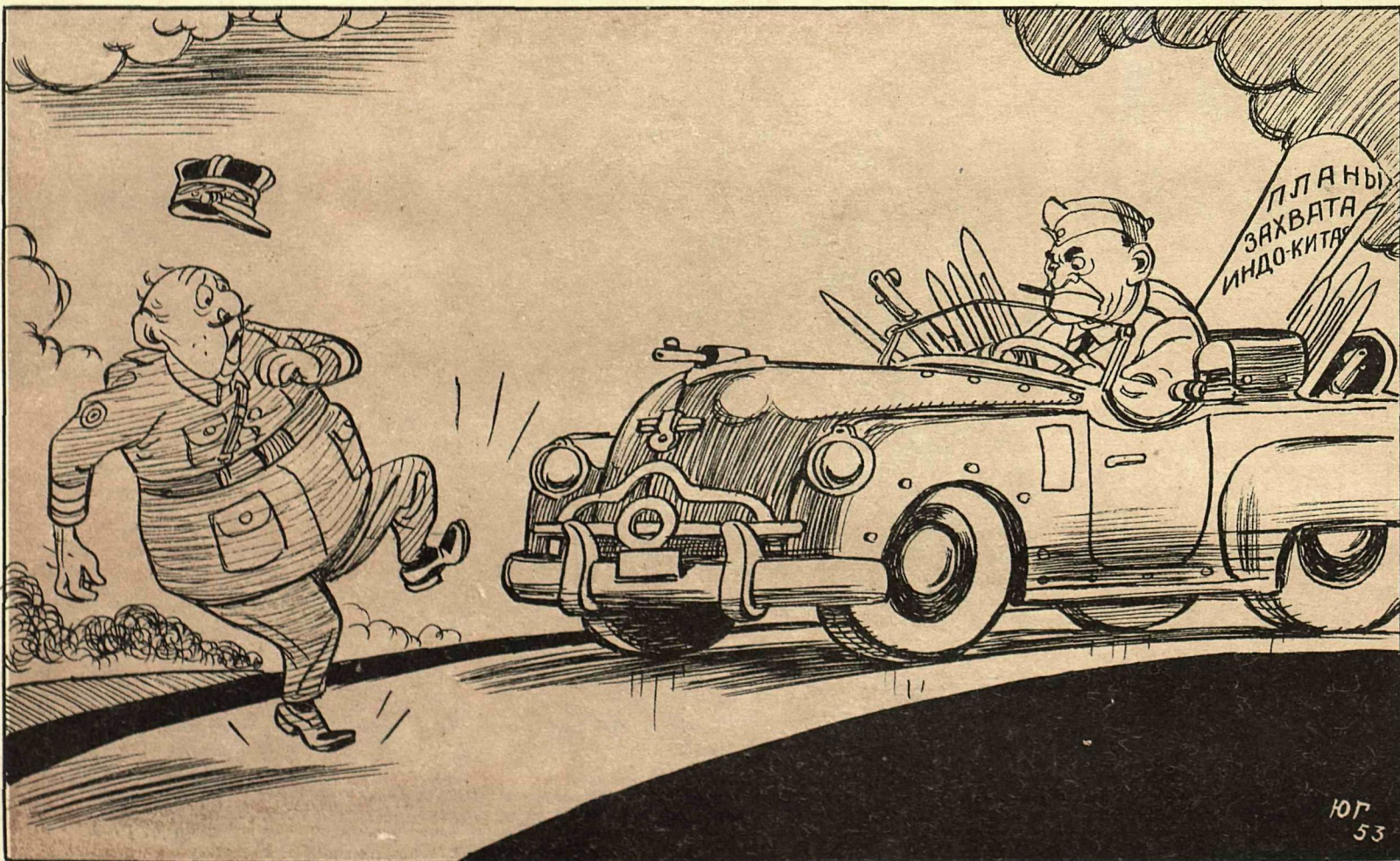
Всесоюзная
 Книжная Палата
 Обязат. экземпляры
 1953 г.

Выступая под фальшивой личиной защитников «независимости» Вьетнама, США открыто проводят политику замены французского господства в Индокитае американским.

Рисунок Ю. ГАНФА.

— Караул! Противник!!

— Караул! Союзник!!

ЮГ 53